

Философия роскоши: да и нет

В.В. Костецкий

Санкт-Петербургский государственный академический Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина при Российской академии художеств, Санкт-Петербург, Россия

Поступила в редакцию: 04.03.23

В окончательном варианте: 31.03.23

■ Для цитирования: Костецкий В.В. Философия роскоши: да и нет // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 2. С. 5–14. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.2.1>

Аннотация. Понятие роскоши в «науках о духе» не имеет категориального статуса, между тем роскошь в истории культуры порой играла первостепенную роль. Трудно переоценить роль роскоши в развитии искусства и техники. С другой стороны, роскошь часто служила причиной разорения городов и стран. В статье главное внимание уделяется роли роскоши в античной этике. Негативное отношение к роскоши способствовало позитивному образу аскезы. Позитивный образ аскезы в эллинистических школах античности послужил основой теоретического синтеза вероучения и философии в христианстве. Распространение христианства по высшим слоям римского общества было обусловлено тем, что именно «высшее общество» «устало» от роскоши. Аскезе подвергали себя не беднейшие слои общества, а богатейшие, поэтому проблемы эксплуатации, надо признать, к генезису христианства прямого отношения не имели.

Ключевые слова: роскошь; аскеза; Сенека; христианство; античная этика.

Philosophy of luxury: yes and no

V.V. Kostetckii

Saint Petersburg state academic Institute of painting, sculpture and architecture named after I.E. Repin at the Russian Academy of arts, Saint Petersburg, Russia

Original article submitted: 04.03.23

Revision submitted: 31.03.23

■ For citation: Kostetckii V.V. Philosophy of luxury: yes and no. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(2):5–14. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.2.1>

Abstract. The concept of luxury in the «spirit sciences» does not have a categorical status, meanwhile, luxury in the history of culture sometimes played a primary role. It is difficult to overstate the role of luxury in the development of art and technology. On the other hand, luxury often served as a cause for the ruin of cities and countries. The article focuses on the role of luxury in ancient ethics. Negative attitudes towards luxury contributed to a positive image of austerity. The positive image of austerity in the Hellenistic schools of antiquity served as the basis for the theoretical synthesis of creed and philosophy in Christianity. The spread of Christianity to the upper strata of Roman society was due to the fact that it was «high society»

that was «tired» of luxury. Asceticism was subjected not to the poorest strata of society, but to the richest, so the problems of exploitation, it must be admitted, had no direct relation to the genesis of Christianity.

Keywords: luxury; austerity; Seneca; Christianity; ancient ethics.

*«Жажда роскоши скатывается к алчности»
(Сенека)*

В античной философии, греческой и римской, было много этических теорий на тему «Как правильно жить». Вопрос, конечно, не стоял по отношению к деревне; это был вопрос исключительно для горожан, «цивитас». Для деревни вопрос «Как правильно жить» имел однозначный ответ: «Жить надо как все», — по традиции. С возникновением городов-государств и осмыслением городской жизни со времен Гесиода выяснилось, что трудно одновременно быть богатым и нравственным. С появлением писаных законов добавилось ограничение: законопослушность. Трудно быть одновременно богатым и законопослушным. Когда право с моралью не совпадает, еще сложнее. Законы создаются людьми, а людям свойственно ошибаться; соответственно, законы могут быть не только несправедливыми, но и безнравственными. Если же выставить требование правильной жизни в форме «быть одновременно богатым, нравственным и законопослушным», то этому могут последовать немногие. Тем не менее единичные экземпляры находились, и получали особое обозначение в разговорной речи — «софосы», мудрецы. Нравственный идеал горожанина, человека цивилизации, в античные времена был однозначным: надо (!) быть богатым, нравственным и законопослушным одновременно. Отсюда рекомендации «семи мудрецов»: «Не богатей дурными средствами» [1, с. 74], «Лучше потеря, чем дурная прибыль» [Там же, с. 84].

Коллизии между богатством, нравственностью и правом не могли не приводить к трагедиям типа «Антигоны», что было всем очевидно. На слуху бытовал миф про царя Мидаса, богатейшего и всесильного правителя, которого однажды отрезвил ответ мудрого Силена. Самоуверенный царь задал Силену вопрос: «Что для меня наилучшее?», — в ответ получил: «Лучшее для тебя невозможно — не родиться» [2, с. 246.]. Да, люди не заказывают свое рождение, расу, национальность, страну, сословие своих родителей, историческую эпоху, способ собственного умирания. Люди приходят в мир чаще всего не вовремя и не к месту, равно как и уходят из него. Не случайно на вопрос Фалесу: «Почему он не заводит детей», — тот ответил: «Потому что люблю их» [1, с. 71]. Можно сказать, что нулевая максима античности формулировалась просто: «Лучшее для человека — не родиться» [См.: 2].

Эллины, дойдя до осознания трагичности человеческой участи в реальном мире, вдруг повеселели. Смертным — так боги в театральных трагедиях говорили о людях — терять нечего, так что можно искать свои пути спасения — сыграть в жизнь. Выиграть нельзя, но весело пожить можно. В каждой философской школе античности появились собственные сценарии «правильной жизни». Одни упирали на наслаждение, другие на долг; одни говорили о свободе от общества, другие о свободе от собственных желаний; одни во главу угла ставили здоровье, другие пренебрегали им во имя жизни. Знаменитая

фраза из сатир Ювенала «в здоровом теле здоровый дух» в первоисточнике звучала с продолжением «что редко бывает».

Однако, сколько бы ни было философских концепций в античности о «правильной жизни», почти все игнорировали роскошь. Понятие роскоши не фигурировало в теории, а на практике вызывало у философов в лучшем случае иронию. Как-то Сократ, будучи приглашенным в богатый особняк и окидывая взором убранство, заметил: «Сколько же существует в мире вещей, без которых можно обойтись» [1, с. 111]. С этим не согласился один из его почитателей по имени Аристипп. После смерти Сократа Аристипп переехал жить на южное побережье Средиземного моря в богатый город Кирену, обычаями схожий с древним Сибарисом. Жизнь в богатом городе, недалеко от не менее богатого Карфагена, привела его к мысли, что только роскошь есть жизнь со всеми ее радостями и слезами. Как рыбы живут в воде, яблоки растут на яблоне, так человек живет в роскоши — собственно человеческом ландшафте. Роскошь не означает безделья, ухода от познания, искусства, религии, политики, но означает естественное их развитие, без нажима со стороны власти, общества, природы. Роскошь, по Аристиппу, настолько естественна для человека, что вне роскоши не стоит жить. Сам философ ушел из жизни добровольно, правда, в глубоко почтенном возрасте: не стало физической возможности пользоваться плодами роскоши.

Позиция киренаика Аристиппа была воспринята обществом как одиозная: люди тянутся к роскоши при первой возможности без всякой философии. Между тем роскошь представляет собой очень коварное явление. Не случайно античная философия и христианство объединились в первые века нашей эры на основе противопоставления именно роскоши. Накануне перехода от республики к империи тяга к роскоши в римском обществе превосходила всякие разумные пределы. «Каждый порок бьет через край», — писал Сенека [3, с. 282]. На протяжении нескольких столетий в Риме издавались так называемые «законы против роскоши» — ничего не помогало. В итоге республика обернулась империей. Как заметил в эпоху Просвещения Ш. Монтескьё, *демократии погибают от роскоши, а монархии — от ее недостатка*. В этом афоризме автора «О духе законов», любимого трактата Екатерины II, содержится целая концепция того, что такое роскошь.

В истории развития человечества у роскоши есть вполне определенная роль: служить целевой причиной технического прогресса и всех видов искусства. Основатели марксизма пытались доказать, что прогресс начинается с совершенствования орудий труда, но история техники не подтверждает эту гипотезу. Орудия труда являют собой чрезвычайно консервативный продукт, который при очевидной необходимости изменения веками остается неизменным. И только с изменением экономики или войны ради целей общества, включая роскошь, одни орудия труда вытесняются другими, порой без всяких попыток совершенствования. Например, шпага обязана своему возникновению не совершенствованию сабли, а развитию хореографии в придворном обществе. В свою очередь, сабля возникла не путем усовершенствования меча, а благодаря вытеснению пехотинца всадником с его рассекающим ударом с оттяжкой. Другой пример: развитие парусного флота в Новое время в значительной степени связано с доставкой специй из Индии, а специи служили основой

роскоши в кулинарии. Показателен пример с историей металлургии: все «копи царя Соломона» с добычей золота, серебра, меди и олова служили изначально не целям производства ради экономики и войны, а исключительно целям ювелирного искусства. Такие процессы, как выплавка металлов,ковка и пайка, прокат — все совершались в пределах крохотной ювелирной мастерской, иногда в пределах стола. Домны и мартены появились потом.

Оборотной стороной роскоши в общественном плане явился феномен разорения экономики города экономикой монаршего двора. Логика роскоши способна подчинять себе бюджетную политику государства и «государственных мужей». Античная цивилизация начиналась не только с миграции племен и вытеснения одних племенных союзов другими, но и с принципиального табуирования роскоши при возникновении городов-государств. Табу на роскошь в Древней Спарте сохранялась все века ее существования. В Афинах запрет на роскошь носил паллеативный характер: дома украшались снаружи, но не внутри; флейта запрещалась, а кифара нет; бороду носить разрешалось, а косичку из бороды — нет. Афиняне не ели на золоте и серебре, не разнообразили кулинарию. Роскошь долгое время в Элладе воспринималась как свидетельство дурного вкуса и варварства по типу восточных правителей.

Этической противоположностью роскоши в античном мире стала аскеза, причем в разных вариантах, от умеренности до полного игнорирования культуры. Само понятие роскоши формировалось как вид неумеренности, превышение необходимого, должного, традиционного, приличного. В словах Сапфо: «Я роскошь люблю; блеск, красота чаруют меня», — звучал вызов. Слово «гедонэ» первоначально означало лишь робкое признание в любви к удовольствиям — в отличие от более позднего значения «купания в роскоши». Даже у Эпикура спустя столетия после Сапфо «гедонэ» далеко отстоит от роскоши, порой осуществляясь именно благодаря предварительной аскезе. Можно сказать, что общим отношением к роскоши со стороны античных философских школ было «бесстрастие», «невозмутимость», «безразличие». Осуждение вызывало преклонение перед роскошью, благоговение перед ней, тем более при страстие к «богатству» и фетишизм в отношении «сокровищ».

По своему происхождению роскошь обязана отнюдь не экономике. Феномен роскоши может существовать в бедности — как то, что доступно немногим. Среди немногих могут быть и умелые, и разумные, и просто случайные люди. Исторической родиной роскоши является древнейший социальный институт ранних цивилизаций — гарем. В гареме роскошью стало прежде всего межчеловеческое общение с соответствующей грацией и галантностью взглядов, жестов, слов, поступков. В гареме сексуальное общение поднялось высоко над сексуальностью, настолько высоко, что в эротике вдруг обнаружилось религиозное начало. Смысл гаремной религиозности состоял в том, что мужчина в гареме при всей кажущейся свободе отношений не может вести себя как придется, равно как и женщина. С возникновением чуткости в отношениях постепенно обнаружился некий канон поведения, по отношению к которому люди оказываются в роли актеров; в гареме все вынуждены играть отведенную им роль, как в некоем спектакле по божественному промыслу. Самоидентификация производилась не с самим собой, а так, как будто все оказывались аватарами кого-то. Позднейшее представление «бог в нас» отчасти зарождалось

в гаремах. Сугубо личное превращалось в неуместное. В свое время молодой Ф. Ницше заметил, что настоящая лирика всегда объективна, так что шаг влево, шаг вправо, и феномен лирики исчезает. Сугубо личное претит хорошему вкусу, как это бывает в «женских стихах», а сугубо общественное обращает лирику в формальный романтизм. Лирика «сверхчеловечна»; это, говоря словами Ницше, мост над пропастью, с одной стороны которого зияет пошлость, с другой бездна идолопоклонства. Именно гарем как социальный институт задал личным переживаниям духовное измерение, сублимируя биологическую сексуальность в роскошь любовного общения.

Обращение интимных отношений в объективность лирики выявило простые закономерности. Например, женщины реагируют на подарки, причем раскрытием собственной сексуальности. Вся система гаремных отношений развивается в сторону выявления в женщине женственности, а в мужчине мужественности, причем следствием этой предзаданности является роскошь в самых разных отношениях: кулинарии, костюма, ювелирного искусства, гигиены, интерьера, досуга, лирики, эротики. В гареме «подарок» существует в координатах прогресса: с каждым разом все дороже, разнообразнее, неожиданнее. Сакральность гарема через «культуру» выходила на профанные пространства сначала дворца, потом улицы. Уникальность социального института гарема в том, что благодаря ему сопрягаются такие «непримиримые» противоположности, как тело и дух. Сопрягаются тело в его биологических подробностях и дух в его рыцарской духовности. С возникновением «придворного общества» с его открытой публичностью гарем уходит в тень, изживает себя как социальный институт, но продолжает свое инобытие в формах публичной куртуазности.

Роскошь объективно служит культуре, но лишь до тех пор, пока роскошь вещей не затмевает собой роскошь общения. Между тем это происходит с неизбежностью. Возникают ситуации, когда человек в своей тяге к роскоши не может остановиться. Проявляется одержимость, которая роскошью вещей изничтожает роскошь общения, низводя человека на уровень ниже животного. Происходит падение человека. Люди становятся омерзительными друг другу даже на фоне животных. Человечеству давно знакома эта ситуация на примере многих ранних цивилизаций. Диоген Лаэртский сообщает: «Кто-то восхвалял роскошную жизнь. “Такую бы жизнь детям врагов наших!” — воскликнул Антисфен» [1, с. 236]. Осознанными формами сопротивления падению человека в результате одержимости роскошью являются религия и табуирование. Культура начинается не с мифов, символов, ритуалов, обрядов, а с табуирования, которое лишь «объясняется» мифами и поддерживается «традициями».

Табу — странный феномен, преграждающий путь привычным формам поведения, причем с требованием смерти за нарушение. Наивно искать источник табу в разумности человека или в стихии социальных отношений. Табу приходит извне, «сверху» — как озарение или сновидение авторитетному жрецу, монарху, предводителю, признанному пророку. Табу может казаться нелепым, смертное наказание чрезмерным: сколько женщин утопилось или удавилось из-за нарушения табу девственности, — но табу оберегает человечество от больших бедствий, об угрозе которых можно только догадываться.

Не существует ни одной религии, которая пропагандировала бы роскошь или не строила ей заслон. С другой стороны, не существует религиозных организаций, церквей, которые при пропаганде аскетизма не двигались бы в сторону роскоши. Роскошь затягивает человека и человечество, ведет себя как наркотик: сначала воодушевляет, потом губит всех, кто не может остановиться.

Существует миф, что христианская религия возникла в беднейшей провинции Римской империи среди беднейших слоев населения, миф о протесте угнетенных против социальной несправедливости. Конечно, и беднейшие слои населения были, и протесты были, и несправедливость никогда не покидала общество. Однако этих условий совершенно недостаточно для распространения протеста по всем слоям населения, тем более закрепления в самом высшем слое, да еще и в качестве государственной религии. Совсем уж странным случаем выглядит тот факт, что император Константин легализовал в империи христианство, не будучи сам христианином. Не менее странно выглядит и тот факт, что христианство в Римской империи распространялось изначально в самой тесной связи с философией античности, причем в ее полном объеме. Довольно трудно себе представить, каким образом беднейшие слои населения свои религиозные чаяния не забывали связывать с философскими теориями многовековой давности.

Христианство — книжная религия, литературная, требующая грамотности и рефлексии. Характер христианской литературы поучительный, если не сказать педагогический. И педагогика христианства не доморощенная, а вполне продуманная и концептуальная. То есть такая, какая сложилась именно в античной философии и отрефлексированная по разным школам философии. Авторы христианской литературы не только были знакомы с различными этическими учениями античности, но были искушенными в их сильных и слабых сторонах. Самая сильная сторона античной философии — ее диалогичность, разнообразие концепций, оппозиции их друг другу с развитой системой аргументации. Самая слабая сторона античной философии — отсутствие понятий «внутренний мир человека», «уход-в-себя». И если бы не пробел в античной философии, обнаруженный с появлением христианского вероучения и заполненный им, оно не получило бы распространения по всем слоям римского общества.

В пояснение надо сказать следующее. Античная цивилизация возникла как демократия, то есть экономическая свобода частных домохозяйств. Демократия — это не диктат большинства над меньшинством (в плане решения коммунальных проблем), а равное право частных домохозяйств на рыночные отношения. В исходном смысле демократия возможна при монархической форме правления, особенно когда монархия является выборной — как и было в античности в «эпоху царей». Свобода предпринимательства приводила к наличию свободных денег, которые позволяли свободу действий в любом направлении: досуг, путешествия, любовные отношения, добровольное профессиональное увлечение. Наличие свободы на основе собственных денег и гарантий государства оборачивалось требованием: *никогда не уходи в себя* — действуй! В античной педагогике немислимым было бы требование «учиться всю жизнь»: учиться надо до 15 лет — потом жить. Политическая максима сводилась к тому, что *не надо иметь такое общество, в котором*

приходится «уходить в себя». В античной культуре не было феномена под названием «переживание»; даже лирика избегала интимных «воспоминаний», сводясь к сетованиям на свою судьбу. Лирика античности — это все, что угодно, только не «переживание». Типичный пример:

*«Маленький мальчик, еще неразумный и слабый, теряет,
Чуть ему минет семь лет, первые зубы свои»*

[4, с. 97].

На момент возникновения христианства античность в лице Луция Аннея Сенеки (55 до н.э.—44 г. н.э) подошла вплотную к тому, чтобы восполнить историческую брешь в философии Эллады и Рима. Сенека ввел понятие «совесть». Совесть — первые ворота в мир личности, во «внутренний мир человека». Совесть осуществляется как внутренний цензор, как власть — но не внешняя, а внутренняя, «когда никто не видит». Сам Сенека определяет совесть как жизнь под взглядом: «Самое благотворное — жить словно под взглядом... человека добра» [3, с. 57]. Эта ситуация, химеричная на первый взгляд, приводит к понятию стыда, стыда перед собой в качестве именно «переживания». Христианство настолько охотно подхватывает и развивает эту тему, что бл. Августин уже прямо требует: «Не выходи в мир, а возвращайся к самому себе: внутри человека пребывает правда» [5, с. 68]. Девизом «Уходи в себя!» вместо «Познай себя» Аврелий Августин открыл новую страницу в античной философии, что было высоко оценено римским обществом.

Однако, с какой бы стати богатым и свободным римлянам уходить в себя, наперекор многовековым традициям западной цивилизации? А причина в том, что жизнь в обществе оказалась неожиданно перекрытой: роскошь заполонила всю политическую и частную жизнь, роскошь вышла на первое место при оценке человека. «Во времена империи, — пишет Ж.-Н. Робер, — эта неоправданная страсть к роскоши зачастую становилась единственным признаком принадлежности человека к избранному классу» [6, с. 146]. Сенатор Цицерон пишет и произносит обличительные речи на темы бесконечного стяжательства всех прокураторов, которые с провинций выкачивают все в собственные владения: мрамор дворцов, статуи, картины, библиотеки, налоги городов и бюджеты воинских подразделений. Должностные лица не просто воруют, но уворованное превращают в роскошь, которой публично гордятся без стыда и совести. Цицерон, обвиняя наместника Сицилии, полководца по должности, в воровстве, пишет: «...его носили ввосьмером, как вифинского царя, на носилках среди подушек, набитых лепестками роз и покрытых прозрачной мальтийской тканью; сам же он сидел, с венком на голове и венком на шее, понюхивая розы...» [2, с. 85–86].

Роскошь перестала быть частным удовольствием; она превратилась в общественное бедствие, во всеобщую одержимость. Как писал Сенека по этому поводу, «мы безумствуем не только по одиночке, но и целыми народами» [3, с. 281]. Сенека — богатейший и могущественный гражданин Рима, воспитатель будущего императора (Нерона), олигарх — возопит против роскоши, от которой нет спасения и в которой утопает он сам. Император Нерон намеренно

заваливал Сенеку дарами за его попытки противостоять роскоши, — в качестве издевки.

Стратегию спасения предложило христианство: уход во внутренний мир. Очищение от страстей, навеянных роскошью. Очищение в разных формах, от храмовых мистерий до личной аскезы. С отказом от роскоши христианское вероучение сомкнулось с античной философией, вплоть до эпикуреизма. Вспомнили энтузиазм пифагорейцев, платоновскую этику долга, аскетизм киников и стоиков, гедонизм через аскезу Эпикура, аристотелевскую этику в ее единстве с эстетикой и учением о пороках, невозмутимость скептиков и экстатичность неоплатоников. Все вспомнили.

В школах риторики будущие надзиратели («епископы») христианства старательно изучали в школах риторики античную философию, а потом преподавали одновременно вероучение и философию. Типичным примером может служить биография Оригена. «Приступая к составлению своей системы, — пишет переводчик Н. Петрова, — Ориген был приблизительно 42 лет (род. в 185 г.); в то время он уже около 25 лет неутомимо занимался изучением Св. Писания, около 18 лет изучал и преподавал философию» [7, с. 9]. Вся эпоха патристики пронизана синтезом вероучения и философии, организованным далеко не беднейшими и угнетенными слоями. Напротив: не бедность угнетенного населения, а всеобщая и пугающая тяга к роскоши послужила социальной базой принятия и распространения христианства. Если в зарождении христианства страх и сыграл какую-то роль, то никак не страх смерти, а страх безудержного поглощения человека и государства роскошью.

В истории человечества периоды, когда безумствуют «целыми народами», возникают регулярно, с пугающей закономерностью. Благородные монархии обращаются в подлые тирании, церковные организации в инквизиции, государственная служба в казнокрадство, революции в «поиск ведьм», демократии в империи лжи, технический прогресс в расчеловечивание. Роскошь не исключение. Под предлогом тяги к прекрасному возникает одержимость, доводящая до тяги к безобразному, к «цветам зла». Способов расчеловечивания множество, метод один — одержимость, сползающая в бесовство. Ж.-Н. Робер, перечисляя обстановку знатных римлян, вынужден признать, что «скопленные сокровища оставляет определенное тягостное впечатление одержимости» [6, с. 153].

Одержимость — это еще не религия; бесовство, сатанизм, — конечно, феномены религиозного опыта. Одержимость наблюдается при безумии, при наркотическом воздействии, при вполне достойной целеустремленности. Бесовство — это прежде всего насмешка над «смертными»: подвести слепого к краю пропасти и дружески шепнуть «шагай». Адольф Гитлер тоже был в детстве ребенком, а в Первую мировую войну смелым солдатом, потом мечтал об искусстве, о восстановлении достоинства своей нации, добился успехов в политике, а в итоге превратился в монстра в своей государственной деятельности, — причем нация ничего не замечала; только ошеломляющий разгром привел нацию к частичному разумению. Религия начинается не с вероучения, не с «веры в сверхъестественное» — как об этом судачат словари. Религия начинается с того, что фиксируется бесовство, которое рядом.

Начинается все под благовидным предлогом, потом начинают жечь желания и мысли наплывают неизвестно откуда сами собой, вскоре приходит успех, а заканчивается все тем, что нет сил сойти с дороги, которая ведет в пропасть. Как говорили в античные времена, «одних судьба ведет, других тащит». Любовь к роскоши так тащит человека в неизвестном вроде направлении, что в одержимости рождаются стихи:

*«Пусть хоть руки отнимутся,
Пусть отнимутся ноги,
Спину пусть изувечит горб,
Пусть шатаются зубы —
Лишь бы жить, и отлично все!»*

«Это гнусное выклянчивание жизни», как сказал о стихе Мецената Сенека, подкрепляется именно роскошью, ярим апологетом которой был знаменитый Меценат, друг императора Августа. Роскошь компенсирует все: старость, уродства, инвалидность. Гай Цильний Меценат (70-8 гг. до н.э.) почему-то верил, что роскошь спасет Рим. Тысячелетия спустя на эту веру появился ремейк: «красота спасет мир». Только роскошь и красота не вещей, а человеческих отношений спасут мир. У Аристотеля в его этике было понятие «прекрасный поступок», от созерцания которого у людей прекрасными становятся лица. Те вещи и дела прекрасны, от созерцания которых даже некрасивые лица становятся красивыми. Но когда от роскоши одних искажаются лица других, спасения ждать не стоит никому.

Список литературы

1. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. 629 с.
2. Цицерон. Избранные сочинения. М.: «Художественная литература», 1975. 456 с.
3. Сенека Л. Нравственные письма к Луцилию. Кемерово: «Кемеровское книжное издательство», 1986. 463 с.
4. Античная литература. Греция. Антология. М.: «Высшая школа», 1989. Ч. 1. 512 с.
5. Соколов В.В. Средневековая философия. М.: «Высшая школа», 1979. 448 с.
6. Робер Ж.-Н. Рождение роскоши. Древний Рим в погоне за модой. М.: «Новое литературное обозрение», 2004. 400 с.
7. Ориген. О началах. Новосибирск: Лазарев В.В. и О, 1993. 384 с.

References

1. Diogen Laertskii. O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov. Moscow: Mysl'; 1979. 629 p. (In Russ.)
1. Tsitseron. Izbrannye sochineniya. Moscow: Khudozhestvennaya literature; 1975. 456 p. (In Russ.)
2. Seneka L. Nравstvennye pis'ma k Lutsiliyu. Kemerovo; Kemerovskoe knizh-noe izdatel'stvo; 1986. 463 p. (In Russ.)
3. Antichnaya literatura. Gretsiya. Antologiya. Pt. 1. Moscow: Vysshaya shkola; 1989. 512 p. (In Russ.)
4. Sokolov VV. Srednevekovaya filosofiya. Moscow: Vysshaya shkola; 1979. 448 p. (In Russ.)

5. Rober Zh.-N. Rozhdenie roskoshi. Drevnii Rim v pogone za modoi. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2004. 400 p. (In Russ.)
6. Origen. O nachalakh. Novosibirsk: Lazarev V.V. i O, 1993. 384 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Виктор Валентинович Костецкий — доктор философских наук, профессор ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный академический институт имени И.Е. Репина при Российской академии художеств», Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** kostavictor@yandex.ru

Information about the author

Victor V. Kostetckii — Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Saint Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture named after I.E. Repin at the Russian Academy of Arts, Saint Petersburg, Russia. **E-mail:** kostavictor@yandex.ru